

ЛОРД КЛАРЕНДОН И АНТИКВАРНОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ¹

Сопоставление «Истории великого мятежа» и антикварного историописания ранне-стюартовского периода позволяют авторам статьи по-новому взглянуть на предложенную Ф. Фасснером концепцию «историографической революции», согласно которой нарративы антиквариев и Кларендона являлись последовательными этапами в переходе к проблемно-ориентированной истории и секулярному типу исторического сознания. Анализ соответствующего языка и риторики, круга используемых источников и приемов их критики, повествовательных и доказательных стратегий позволяют сделать вывод не о преемственности, но, напротив, о многообразии и разнонаправленности векторов раннестюартовского историописания.

Ключевые слова: Кларендон, антиквариш, историографическая революция, историописание, Стюарты, Англия

С выходом в свет знаменитой монографии Фрэнка Фасснера² в исторической науке прочно укрепилось представление о завершившейся к середине XVII в. т.н. историографической революции. Произшедшие в английском и шире – европейском – историописании изменения во многом характеризовались переходом к проблемно-ориентированной истории и секулярному по своей направленности типу исторического сознания – параметрам, отражавшим, по мнению Фасснера, «стремление среднего класса к утилитарно организованному знанию». «Новая история» отличалась критическим отношением к нарративным источникам, ранее почитаемым авторитетам; научные идеи постепенно вытесняли схоластически выстроенные схемы повествования; на смену провиденциализму пришла вера в объективность исторического прогресса. Фасснер связывал начало этого процесса с исканиями английских антиквариев конца елизаветинского правления, а сочинение Кларендона рассматривал как наиболее последовательное воплощение произошедших изменений: разрыв с традициями прежнего историописания был для него уже в середине XVII в. необратимым.

Развивая идею об историографической революции раннего Нового времени, Фасснер ограничивал доказательную базу не только анализом «технологий» и «стратегий» историописательной практики английских интеллектуалов этой эпохи, но и собственным репертуаром отобранных им сочинений и авторов. Оставляя за рамками исследования значительную по объему информацию, он опустил существенные для антикварного дискурса детали. В его обобщающих главах не нашлось места для анализа лингвистических методов английских антиквариев, восприни-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ (грант 35378849 «Этногенетические мифы в европейском антикварном историописании») и грант 353755447 «Антикварная мысль раннего Нового времени: британские и германские параллели).

² Fussner 1962; 1970; Ferguson 1979; Fynlayson 1983; Levine 1987; Паламарчук, Федоров 2013.

мавшихся ими в качестве важнейших средств сугубо исторической реконструкции и интерпретации; недифференцированным представлено и их отношение к античным авторитетам, среди которых явное предпочтение отдавалось латинским авторам; недостаточно четко обозначены познавательные перспективы средневекового прошлого, как известно, кардинально и позитивно переосмысленные в антикварном наследии; упущены почти полностью методы библейской экзегезы, а также не определено отношение антиквариив к ренессансной и более широко античной риторике и композиции, столь показательное для формировавшейся в позднетюдоровской Англии историописательной традиции. Оставленные без внимания особенности антикварного дискурса конца XVI – первой половины XVII в.³ во многом повлияли на фрагментарность суждений Фасснера о главном сочинении Кларендона⁴ и обусловили в известной мере его во многом поспешную оценку.

Определение всего комплекса антикварных текстов как исторических нарративов не вызывала у Фасснера сомнений, однако эта характеристика не бесспорна. Так, Г. Берман⁵ относил сочинения Дж. Селдена и Г. Спелмана к области «исторической юриспруденции», сближая антикварный дискурс не столько с историческим знанием, сколько с развитием правовой рефлексии (при этом юридические трактаты могли включать целые фрагменты «антикварного» характера⁶). Особое место в систематизации антикварного знания занял жанр лексикографии, к которому относятся выдающиеся труды Г. Спелмана и Дж. Коуэлла. Комплекс трактатов о знати и знатности (их перечень далеко не исчерпывается сэлденовскими «Титулами достоинства»), а также многочисленные геральдические штудии, созданные в русле антикварной традиции, были ориентированы на фиксацию (а точнее – сознательное конструирование) социальных иерархий и групп. Реконструкция прошлого в таких построениях оказывалась желательным, но не необходимым элементом.

Крайне уязвим для критики тезис о том, что антикварное движение стало переломным моментом в формировании группы «профессиональных историков»⁷: ни один из антиквариив XVI–XVII вв., включая Кемдена (глава коллегии герольдов) и Селдена (практикующий юрист) не позиционировал антикварные штудии в качестве основного занятия; более того, именно включенность в социопрофессиональные сообщества (юристов, судей, герольдов, духовенства) продолжала определять не только тематическую и стилистическую специфику текстов, но и в воспринималась как залог достоверности сообщаемой информации.

Стремясь подчеркнуть революционный характер происходивших изменений, Фасснер настаивает на «эмпирическом» (в бэконовском

³ Fyodorov 2016.

⁴ Lord Clarendon 1888 (repr. 1958; 1992); Эдуард Гайд, лорд Кларендон 2019.

⁵ Berman 1994.

⁶ См., например: Ridley 1607: 90-98; Fulbecke 1601-1602.

⁷ Fussner 1962: 190.

смысле) характере исследовательских методов антиквариев⁸, доказательности их суждений и достоверности хорографических описаний⁹. На деле картина оказывалась гораздо более многогранной. При всей своей значимости документы, приводившиеся антиквариями в их оригинальной форме, а также их критика представляли собой лишь часть доказательной базы нарратива. Обязательным элементом встраивания в уже существующую традицию, дополнительной гарантией достоверности и авторитетности мнения автора служило обращение к четко определяемому кругу античных авторов, а точнее – к кругу узнаваемых цитат (преимущественно из произведений Аристотеля, Цицерона, позднеримских юристов и географов). При этом если интеллектуалы первого ряда (У. Ламбард, У. Кемден, Дж. Селден, Дж. Додридж) действительно обращались к большому количеству первоисточников, то авторы второго ряда тиражировали как цитаты классиков, так и целые фрагменты из ставших авторитетными текстов своих современников¹⁰.

Параллельно определился и круг тех средневековых текстов (начиная от хроник и заканчивая юридическими трактатами), использование которых помогало антиквариям актуализировать столь важное для них представление о континуитете английской истории. Речь шла отнюдь не только об использовании информативного ресурса величайших средневековых хроник – Генриха Хантингтонского, Ордерика Виталия, Матвея Парижского и др.; не менее важное место в антикварном историописании занимало воспроизведение мифологем британской истории и этногенетических мифов, прежде всего гальфридианского мифа о покорении Британии Брутом и разделении острова между его сыновьями Локрином, Альбанактом и Камбром. Нельзя сказать, что это воспроизведение было полностью некритичным; однако рефлексия антиквариев была направлена отнюдь не на критическое изучение мифа, а на его эвристический потенциал в контексте процессов национально-государственного строительства, обретавшего разнящиеся векторы при Тюдорах и Стюартах.

Таким образом, антикварный нарратив являл собой не самостоятельный микрокосм с завершенной и последовательной системой поставленных проблем и доказательств, а, напротив, открытую систему, интертекст. Множественность способов легитимации явления – от апелляции к глубоко архаичным компонентам до формулировки рационализирующих теорий – вообще была характерной чертой культуры раннего нового времени¹¹. Дискуссионные вопросы, для ответа на которые антикварианты собирали и организовывали кластеры документальных и риторических доказательств, как правило возникали за пределами конкретных нарративов¹², в рамках более широких общественно-политических

⁸ Fussner 1962: 189.

⁹ Fussner 1962: 180-183 et al.

¹⁰ Terentyeva, Palamarchuk 2015.

¹¹ Федоров Паламарчук 2020.

¹² Fyodorov, Palamarchuk 2017.

дискуссий. Антикварное историописание оказалось невероятно плодотворной почвой, питавшей политико-правовые конфликты предреволюционной Британии. При этом специфика отбирившегося материала и применяемая к его исследованию методология, во многом определявшаяся профессиональной принадлежностью авторов, формировала и специфику «антикварного ответа»; он был плодотворным, но не единственным и тем более не универсальным – ни в охвате потенциальной аудитории, ни в тематике освещенных сюжетов, ни в используемом языке.

Связь Кларендона с т.н. «новой историей» существенна, но далеко не во всем бесспорна. Подобно современникам-антиквариям, он выглядит последовательным в критическом отношении к источникам. Точность исторической реконструкции для него зависела не только от критического прочтения письменных свидетельств и объективного отношения к материальным артефактам прошлого, но и от организации подчиненного задачам такого рода исследования стилистического, лексического и даже грамматического пространства исторического повествования. Тщательно отбирая свидетельства, он отдает предпочтение проверенной, в его представлении, достоверной информации. Активно цитируя источники (чаще всего без сокращений), он выбирает свидетельства очевидцев, официальную корреспонденцию, парламентскую документацию и протоколы заседаний армейских советов и, как представляется, стремится к известному «сталкиванию» зафиксированных таким образом мнений участников описываемых им событий. Ему не чужд и определенный формализм, когда его собственное мнение основывается на уже высказанном, но при этом авторитетном суждении.

Язык повествования у Кларендона, подобно языку Кемдена, Кока, Спелмана и Селдена и многих других его современников, сложен для современного восприятия. Лишенный какого-либо намека на стилистическое совершенство, он далек, вопреки утверждениям М. Броунли, от т.н. последовательной (риторически организованной) речи¹³. Отражая традиционное для антиквариев негативное отношение к ренессансной композиции, а также к любым предписаниям соблюдать соответствующие стили в зависимости от предмета изложения, такой «неорнаментированный» язык, согласно рекомендациям Т. Бландевилла, более всего подходил для исторической прозы. Тем не менее выбор слов и отдельных выражений почти всегда взвешен и оправдан, что создает неповторимый, присущий только Кларендону повествовательный ритм.

Проблемно-ориентированная история – не самым точным образом сформулированная черта «нового» историописания – на деле означала определенный сдвиг в традиционной заточенной под нужды средневековых хроник организации материала. В средневековом историописании, предрасположенном к хронологическому, но не всегда последовательному ранжированию повествовательных блоков, отсутствовали лю-

¹³ Brownley 1985. Противоположная точка зрения о стилистических новациях середины XVII столетия: Arakelian 1979; Федоров 2007.

бые значимые формы контекстуализации и последовательной верификации событий. Недостаток подобного рода связей отчасти компенсировался за счет телеологизма: присутствие божественного плана, предопределенность исторических событий придавала средневековой хронике известный смысл, организуя таким образом наполненное событийными лакунами и вымыслами повествование. Отсутствие последовательно воспроизводимых связей во многом оправдывал и хронологический срез – масштаб описываемого линейного течения событий: акцент на эпохах, династиях и, наконец, отдельных правлениях искусно создавал иллюзию царившего в средневековых хрониках порядка.

В антикварном историописании не столько изменился хронологический охват излагаемого материала, сколько определилось иное базовое измерение объекта исторической реконструкции. Не ослабляя интереса к отдельно взятому событию и его фиксации, уже тюдоровские историки сместили акцент на групповое (обладающее смысловым единообразием) измерение исторических фактов, предвосхитив тем самым столь характерный для просветителей подход, определивший постепенное превращение объединенных на уровне сходства и родства событий в значимое для структуры исторического повествования явление¹⁴.

Групповое измерение событий видоизменило традиционный линейный принцип организации исторического нарратива, придав самому повествованию известную цикличность и иного рода определенность, но не исключило характерной для средневековых хроник хронологической предопределенности. Создаваемые циклами однопорядковых событий блоки (явления), сохраняя не только внутреннюю, но и внешнюю последовательность, закономерным образом усложняли пространственными отступлениями общую хронологию повествования. Связь между событиями на уровне явления и между отдельными явлениями на уровне интуитивно конструируемого процесса оставалась при этом случайной, все еще не поддающейся рациональному толкованию последовательностью. Отсутствовали причинно-следственные объяснения.

Вопреки утверждениям Фаснера, выстраивавшиеся в текстах антиквариев группы явлений формировали не столько объективирующие реальный смысл событий аналитические конструкты (в привычном для нас понимании – проблемы), сколько темы или же в более широком смысле – тематические блоки, определявшие содержательный репертуар исторического сочинения. Актуализация таких тем и их место в структуре повествования определялись, с одной стороны, индивидуальными предпочтениями самого автора и потребностями аудитории, для которой предназначалось это произведение – с другой. Написанная таким образом история была, скорее, тематически обусловленным, чем проблемно-ориентированным повествованием. Благодаря этому создаваемые антиквариями тексты были преисполнены авторской индивидуальности, отличались особой вовлеченностью повествователя, букваль-

¹⁴ Более подробно об этом: Shapiro 1983.

но определявшего структуру описываемых событий. Индивидуальная неповторимость антикварных текстов не исключала легко распознаваемые в них общие черты, объединявшие их создателей в единое интеллектуальное целое. Антикварное сознание требовало в интересах исторического описания первоначально «свернуть» реконструированные факты и события сначала в тематический блок, а затем – в организованный из этих сконструированных блоков текст с присущими ему особенностями, чтобы затем при каждом прочтении вербально организованная действительность могла «разворачиваться» перед самим читателем.

«Сворачивание» и повторное «разворачивание»¹⁵ действительно в свою очередь подчинялось в сознании антиквариев вполне определенной цели. Ее исходным концептом оказывалось неизменное стремление использовать характерные для общества раннего Нового времени «процедуры» поддержания и воспроизведения исторической памяти¹⁶. Опираясь в своей реконструкции и изложении фактов на древние, средневековые, а также введенные в оборот их современниками исторические ресурсы, антиквариаты ориентировались не только на запросы своих влиятельных патронов, но также на интеллектуальные и политические потребности образованной элиты британского общества. Провозглашаемый каждым из них объективный подход к свидетельствам прошлого и настоящего, при всей его несомненной значимости, все-таки определялся потребностями времени. В этом смысле доминирующие общественные идеалы определяли как стратегию «сворачивания» действительности в антикварных текстах, так и допустимые механизмы ее «разворачивания» уже за пределами их вербального пространства.

Динамика такого «развертывания» подразумевала, что созданный антикварием текст первоначально воскрешал в сознании современника известные образы и ассоциации, затем соотносящиеся с ними факты и события, потом – определенные переживания и только далее – возможные умозаключения. Стремясь контролировать отдельные фазы такой процедуры, антиквариаты тщательно выверяли структуру и содержание создаваемых и текстов: общая картина прошлого должна была покоиться на известных образах и вызывать определенные ассоциации. Известность и узнаваемость образов, хотя и допускала некоторую свободу в определении соответствующих их восприятию фактов и событий, но ограничивалась господствующими стереотипами. Целостность образов и predeterminedенных таким образом ассоциаций гарантировала возможные оттенки их восприятия и самое главное – predeterminedяла потенциальные ракурсы умозаключений. Текст, его форма и способы организации становились важнейшими рычагами, управлявшими общественным сознанием элиты и контролировавшим ее историческую память.

¹⁵ Федоров 1998; 2000.

¹⁶ Используемое понятие восходит к термину «процедуры признания исторической памяти», впервые введенному английской исследовательницей С. Рэдстоун (Radstone 2005). О перспективности наблюдений Рэдстоун см.: Репина 2006: 27-28.

Процедуры поддержания и воспроизведения исторической памяти, содержащиеся в антикварных текстах, при всей их нормативности, опять-таки не исключали индивидуальных решений. В этом смысле корпоративность антикварного сознания на деле оказывалась достаточно гибкой: если предлагаемая новация не нарушала культивируемой этим сообществом нормы, ее охотно принимали и даже заимствовали.

Среди подобных новаций существует ряд предложенных антиквариями решений, потенциальное значение которых для развития историко-описательных стратегий и самого антикварного дискурса было достаточно велико. Такого рода решения вызывали у читающей и интересующейся историческим прошлым британских островов публики весьма определенные ассоциации. Их смысловые рамки не только выстраивали в сознании современников необходимые, с точки зрения автора, логические связи, но и определяли контекст конечного восприятия собирательных образов, метафор, а также излагаемой вереницы событий и фактов. Такое «подталкивание» читателя к желательному итогу, провоцируемое отдельными антикварными текстами или группой связанных между собой текстов, обеспечивало поддержание определенного типа исторической памяти и его регулярное воспроизведение. Наиболее характерными для англичан конца XVI – первой половины XVII века были три типа исторической памяти¹⁷, механизмы которых устойчиво ориентировали современников либо на последовательную романизацию германского прошлого британских островов, либо на повторную германизацию уже изрядно романизированной усилиями предшественников национальной истории, либо, наконец, – на разумное сочетание каждого из упомянутых концептов. Рождавшиеся в связи с римской историей ассоциации и параллели не только украшали и героизировали таким образом интерпретированное национальное прошлое, но и с легкостью вычерчивали величественный профиль династий, отдельных монархов, а также преемственность в публично-правовых и административно-судебных институтах. Германизация усиливала вариации этнополитического и этноконфессионального, ориентируя восприятие современников на признание специфики и неповторимости пройденного пути. Умеренное сочетание романских и германских концептов обеспечивало необходимые при объективном подходе эволюционную преемственность и разрыв.

Если романизирующий тип исторического сознания относился к числу повсеместно признаваемого, то два последующих типа исторической памяти, характеризовавших антикварный дискурс тех лет, весьма избирательно оценивались как интеллектуальным сообществом той поры, так и определявшей его основные вкусы политической элитой. Повторно германизирующий национальную историю подход вызывал наи-

¹⁷ Мы сознательно пошли на подобную схематизацию типов исторической памяти, руководствуясь интересами обсуждаемой проблематики, но не отрицая при этом других более дробных бытующих в литературе классификаций: English Historical Scholarship 1956; Levy 1967; Shapiro 2003.

большее недовольство среди облеченных властью патронов, поскольку нарочито подчеркиваемая национальная специфика не всегда могла конкурировать со значительно романизированными континентальными примерами. Очевидно, комбинированный подход при всей его эклектичности был более приемлемым, хотя и уступал романизирующему подходу в яркости и емкости конечных формулировок.

Каждый из указанных подходов с характерной для него картиной исторического прошлого и механизмами ее поддержания либо, как романизирующий вариант, уже упрочивал собственные позиции, либо, как германизирующий или комбинирующий оба концепта, – усиленно пробивал себе дорогу к интеллектуальному пространству английского общества раннего Нового времени. И там, где речь шла о завоевании позиций, акцент на новаторском характере самих репрезентирующих прошлое технологий оказывался особенно очевидным. Технологии, конечно, понятие условное, но именно оно, с присущей такого рода обобщениям суммарностью, удачно отражает и схематизирует процесс постепенной адаптации менее привычных форм исторической памяти. Антиквари, заинтересованные в укоренении менее популярных взглядов на прошлое, широко использовали интеллектуальные и ментальные ресурсы англичан с тем, чтобы предлагать варианты «распознавания» прошлого аккумулятивными если не широко распространенными приемами его репрезентации, то, во всяком случае, «запускали» в сознании современников без отказа работающие механизмы.

Кларендон, как известно, оставался в стороне от волновавших английских историков конца XVI – первой половины XVII в. сюжетов и, более того, не использовал в своем тексте столь характерных для антикварного дискурса античных и варварских параллелей. Тем не менее древность в широком смысле этого слова интересовала его и, как следует из написанного им в 1670 г. эссе «О должном отношении к древности», во вполне определенном ключе. Он относился критически не только к тому, что называл «ренессансной одержимостью древними текстами», но и к тому, что приводило к «безрассудному преклонению нашего знания перед античностью»¹⁸. Кларендон был убежден в самодостаточности современного ему исторического и более широко – научного знания и в этом смысле дистанцировался от «одержимого древностями» антикварного движения¹⁹. Он признавал значительными произошедшие в эпоху Средневековья изменения и полагал при этом, что успехи европейской культуры в целом были предопределены не столько ее отношением к античному наследию, сколько таящимися в ней самой возможностями. Временной разрыв, отделявший «античное общество и культуру от современности», в его представлениях был настолько велик, что европейцы (и англичане) были в полном смысле этого слова «обречены» на поиск собственного пути развития.

¹⁸ A Collection of Several Tracts 1727: 218, 222.

¹⁹ Hicks 1987; Seaward 2005.

Подобно многим антиквариям, он интересовался нормандским завоеванием Британии, но при этом, в отличие от Кемдена и Селдена, писал об однозначном начиная с XI столетия развитии английской истории. «Нормандское христианство, освежающее и ободряющее дух англичан» не только смягчило «врожденную грубость нашего народа», но и обеспечило культурную интеграцию англичан в «континентальное сообщество»²⁰. После прихода нормандцев каждая вежа английской истории выполняла, по мнению Кларендона, свою функцию, исправляя недостатки и совершенствуя достижения предшествующих эпох.

Для Кларендона стюартовская Англия по уровню своего развития во многом превосходила все другие известные периоды национальной истории, но, как и все предшествовавшие эпохи, несла в себе определенную функциональную нагрузку²¹, отягощенную, однако, потрясшими страну бедствиями. «Великий мятеж» был испытанием, ниспосланным свыше «избравшей неверный курс монархии» и «погрязшей в грехе» нации. Собственно, детальному разбору этих двух обстоятельств и была посвящена его «История».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. Санкт-Петербург: Алетея, 2013. 213 p. Palamarchuk A. A., Fyodorov S. E. Antikvarnyj diskurs w rannestuartowskoj Anglii. Sankt-Peterburg: Aleteia, 2013. 213 p.
- Репина Л.П. Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л.П. Репиной. Москва: Круг, 2006. С.27-28 [Repina L. P. Pamjat' i istoriopisanje // Istorija I pamjat'. Istoricheskaja kultura Evropy do nachala novogo vremeni / Pod red. L. P. Repinoj. Moskwa: Krug, 2006. S. 27-28].
- Федоров С. Е. Honor Redivivus: Риторика представлений современников о стюартовской аристократии // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 2. Вып. 4. 1998. С. 16-25. [Fyodorov S.E. Honor Redivivus: Ritorika predstavlenij sovremennikov o stuartowskoj aristokratii // Vestnik S-Peterb. Un-ta, Serija 2. Vyp.4. 1998. S. 16-25].
- Федоров С.Е. О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средневековья и раннего нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. Санкт-Петербург, 2000. С. 160-179. [Fyodorov S. E. O nekotoryh osobennostjah predstavlenij ob aristokratii w Anglii rannego novogo vremeni // Problemy socialnoj istorii I kultury srednevekovja I rannego novogo vremeni / pod red. G.E. Lebedevoj. Sankt-Peterburg, 2000. S. 160-179].
- Федоров С.Е. Антикварное историописание: История и современность в яковитской Англии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 69 с. [Fyodorov S.E. Antikvarnoe istoriopisanie: istorija I sovremennost w rannestuartowskoj Anglii Sankt-Peterburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 69 s].
- Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждение о формуле власти // Средние века. 2020. Т. 81. Вып.1. С. 21-30 [Fyodorov S. E., Palamarchuk A. A. Rassuzdenije o formule vlasti // Srednie veka.. 2020. T. 81. Vyp.1. S. 21-30].
- Эдуард Гайд, лорд Кларендон. История Великого мятежа / пер. А.А. Васильева и С.Е. Федорова; ком. А.А. Паламарчук и Е.А. Терентьевой. В 2-х тт. СПб.: Алетея, 2019. [Eduard Gaid, Lord Klarendon. Istorija velikogo mjatezha / per. A.A. Vasilieva, S.E. Fyodorova; komm. A.A. Palamarchuk, E.A. Terentyevoj. W 2 tomah. Sankt-Peterburg: Aleteia, 2019].
- A Collection of Several Tracts of the Right Honourable Edward, Earl of Clarendon. London: T. Woodward and J. Peele, 1727. 770 p.
- Arakelian P. The Myth of a Restoration Style Shift // The Eighteenth century: Theory and Interpretation. 1979. Vol. 20. P. 225-247.

²⁰ A Collection of Several Tracts...:226, 335-336.

²¹ Ibid: 237-238.

- Berman H. J. The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selden, Hale // The Yale Law Journal. 1994. Vol. 103. №7. P. 1651 – 1738.
- Brownley M.W. Clarendon and the Rhetoric of Historical Form. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1985. 239 p.
- English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by L. Fox. Oxford: Oxford University Press, 1956. 153 p.
- Ferguson A. Clio Unbound. Perception of the Social Past and Cultural Past in Renaissance England. Durham: Duke University Press, 1979. 443 p.
- Fulbecke W. A Parallel or Conference of the Civil Law, the Canon Law and the Common Law in this Realme of England. London: printed by A. Islip, 1601-1602. 109 p.
- Fussner F. The Historical Revolution. English Historical Writing, 1580 – 1640. London: Routledge & K. Paul Limited, 1962. 343 p.
- Fussner F. Tudor History and the Historians. London: Basic Books, 1970. 312 p.
- Fynlayson M. Historians, Puritanism and the English Revolution. Toronto: University of Toronto Press, 1983. 219 p.
- Hicks P. Bolingbroke, Clarendon, and the Role of Classical Historian // Eighteenth-Century Studies. 1987. Vol. 20. No. 4. P. 445-471;
- Levine J. Humanism and History. The Origins of Modern English Historiography. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1987. 297 p.
- Levy F. Tudor Historical Thought. San Marino: Huntington Library, 1967. 305 p.
- Lord Clarendon. The History of the Rebellion and Civil Wars in England / Ed. W. Mackrey. 6 vols. Oxford, 1888 (repr. 1958; 1992).
- Radstone S. Reconceiving Binaries: the Limits of Memory // History Workshop Journal. 2005. Vol. 51. No. 1. P. 134-135.
- Ridley Th. A View of the Civile and Ecclesiastical Law. L.: Printed by Adam Islip, 1607. 563 p.
- Seaward P. Clarendon, Tacitism, and the Civil Wars of Europe // Huntington Library Quarterly. 2005. Vol. 68. No. 1-2. P. 289-311.
- Shapiro B. A Culture of Fact. England, 1550–1720. Ithaca: Cornell University Press, 2003. 296 p.
- Shapiro B. Probability and Certainty in Seventeenth Century England. Princeton: U.P., 1983. 360 p.
- Terentyeva, E. A., Palamarchuk, A. A. The Rise of National Historical Writing in France: Andre Duchesne and his Historical Methodology // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta-Istoriya. 2015. Вып. 2. С. 80-92.

Федоров Сергей Егорович, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории средних веков, Институт истории, СПбГУ, s.fedorov@spbu.ru

Паламарчук Анастасия Андреевна, доктор исторических наук, доцент, кафедра истории средних веков, Института истории, СПбГУ, a.palamarchuk@spbu.ru

Lord Clarendon and antiquarian historical writing

Comparison of the «History of the Great Rebellion» written by Lord Clarendon and the Early Stuart antiquarian tradition makes the authors to re-evaluate Frank Fussner's idea of «the revolution in historiography» in the Late Tudor and early Stuart England. According to Fussner, antiquarian narratives and Clarendon's «History» represent two successive steps towards problem-oriented history and secular type of historical mind. Critical evaluation of corresponding rhetoric and language, the range of sources and technics of its critical approaches, narrative and persuasive strategies leads the authors to demonstrate instead of continuity multiplicity and diversity in the Early Modern historiographical culture.

Keywords: Clarendon, antiquarians, revolution in historiography, historical writing, the Stuarts, England

Sergey E. Fyodorov, Doctor in History, Professor, Medieval History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, s.fyodorov@spbu.ru

Anastasia A. Palamarchuk, Doctor in History, Assistant professor, Medieval History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, a.palamarchuk@spbu.ru